

Почему Центральная Азия более стабильна, чем Восточная Европа

ВНУТРЕННИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 368
Июль 2015

Джордж Гаврилис
Колумбийский университет

В начале 1990-х гг. ученые, журналисты и политические наблюдатели пророчили только что возникшим государствам Центральной Азии развал и хаос. 20 с лишним лет спустя как в столицах, так и на окраинных территориях этих государств царит относительная стабильность, причем это относится даже к Таджикистану, на территории которого когда-то бушевала гражданская война. Между тем в Восточной Европе имеется множество замороженных и горячих конфликтов, а лидеры восточноевропейских государств могут лишь позавидовать безмятежному правлению своих центральноазиатских визави.

Центральная Азия, за исключением склонного к революциям Кыргызстана, выглядит более стабильной, чем Восточная Европа по целому ряду показателей: долгожительство ее лидеров, отсутствие гражданских и сепаратистских конфликтов, а также низкая частотность социальных протестов. Стабильность во многом определяется тем, как правители принуждают население к подчинению, кооптируют потенциальных соперников и собирают налоги, которые помогают им удерживать власть. Правящие элиты центральноазиатских государств активно отслеживали беспорядки в Восточной Европе, на Кавказе, в Иране, а с некоторых пор - и на Ближнем Востоке, выработывая при этом меры, рассчитанные на пресечение такого рода вызовов своей власти в зачатке.

В настоящей аналитической записке я намереваюсь рассмотреть еще один фактор – геополитическую составляющую. В целом центральноазиатские правители оказались более искусными в деле нейтрализации дестабилизирующего эффекта геополитического соперничества. Но, возможно, более существенным фактором является то, что важные внешнеполитические решения сначала принимаются ими за закрытыми дверями, а затем подаются общественности своих стран как проявления мудрой стратегии.

Украинские же и молдавские лидеры, в отличие от своих центральноазиатских коллег, не смогли справиться с разнонаправленными силами геополитического притяжения, под воздействие которых попали их страны, углубили социальный раскол по вопросу о том, в каком направлении следует им дальше идти, и способствовали росту мобилизации в

противостоящих лагерях, добивающихся проведения в жизнь своего видения развития страны. Конфликт в Украине и события на Евромайдане являются лишь последними проявлениями такого раскола. В будущем их будет еще немало.

Внутренне бремя внешней политики

Внешнеполитические решения имеют значение для внутривнутриполитической жизни, и такое значение возрастает, когда эти решения радикально изменяют геополитическое и национальное пространство. В этом отношении как страны Центральной Азии, так и Восточной Европы сталкиваются с постоянным стратегическим выбором: переметнуться ли им в лагерь Запада, оставаться в кильватере России, либо выйти на более нейтральную тропу «своего собственного пути». Как утверждает Айше Зараколь в своей книге *«После поражения: как Восток научился ужиться с Западом»*, решение, определяющее ответ на вопрос о том, где находится подлинное место страны – на Востоке или на Западе, может вызвать крайне эмоциональную реакцию в обществе. В иных случаях такого рода решения могут отразиться на судьбе экономических элит. Профессор Азербайджанской дипломатической академии Анар Валиев [показывает](#), что азербайджанские олигархи предпочли бы сохранять дистанцию с Евроазиатским экономическим союзом из опасения конкуренции со стороны своих российских коллег, тогда как партнерство с Европейским союзом выглядит менее обременительным.

Учитывая внутреннюю реакцию на внешнеполитические решения лидеры полудемократических и полуавторитарных государств сталкиваются с двойной дилеммой. С одной стороны им нужно проводить свой внешнеполитический курс, а с другой – не допустить, чтобы эта политика вызвала бы негативную реакцию дома, которая поставила бы под угрозу выживание лидеров. Казахстан и Таджикистан в Центральной Азии и Украина с Молдовой в Восточной Европе представляют противоположные варианты реакции, с которой сталкиваются лидеры этих стран в случае принятия того или иного решения в сфере внешней политики.

Что общего между Таджикистаном и Казахстаном

За два с лишним десятилетия президент Казахстана Нурсултан Назарбаев утвердился в роли искусного эквилибриста во внешней политике, балансируя между противодействующими силами давления со стороны России, Китая и США, принимая участие в работе западных и незападных международных организаций, таких как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Евроазиатский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества. Александр Кули своей книгой *«Великие игры, местные правила»* подчеркивает, что благодаря искусной назарбаевской дипломатии Казахстан сумел «подать себя внешнему миру как геополитический перекресток множественных идентичностей и влияний, что, как гласит часто цитируемая здесь поговорка, «счастье – это множество трубопроводов». Но, отчасти, эта эквилибристика стала возможной благодаря тому, что основные внешнеполитические решения, впрочем как и решения внутривнутриполитического характера, принимаются на самом верху исполнительной власти. Эти решения потом закрепляются посредством хорошо финансируемого механизма государственного патронажа, следящего

за тем, чтобы ключевые деловые и политические интересы страны вписывались в проводимый политический курс.

В результате Казахстану удалось избежать бурной ответной реакции внутри страны на основные внешнеполитические решения, среди которых - вступление в ЕАЭЗ и продажа Китаю национальной территории. И хотя в Казахстане имели место протестные выступления, порожденные внутривнутриполитическими проблемами, реакция на непопулярные внешнеполитические решения ограничивалась лишь тихим ворчанием. Например, членство в ЕАЭЗ привело к тому, что казахстанским предпринимателям пришлось конкурировать с российским бизнесом, но до тех пор, пока патронажные механизмы в Казахстане продолжают хорошо финансироваться, власть может позволить себе купить согласие бизнеса. Как [объяснила](#) сотрудник университета КИМЭП Наргис Касенова, «публичное обсуждение было очень коротким... все прошло невероятно быстро. У нас даже не было времени на то, чтобы должным образом обсудить все это. Собственно говоря, обсуждение не очень-то и поощрялось. Это теперь, уже постфактум, мы проводим множество конференций на тему евразийской интеграции».

Аналогичное искусство эквилибристики демонстрирует в Таджикистане правительство Эмомали Рахмона. Но если в Казахстане смысл многовекторной внешней политики сводится к укреплению стабильности и продвижению образа страны как геополитического моста, то в Таджикистане такая политика продиктована экономическими нуждами. Уже давно таджикские власти пытаются заполучить как можно больше экономической помощи от любой страны-донора, а по возможности – от всех вместе, не допуская при этом возникновения в обществе вопросов относительно способности правительства защитить национальные интересы и безопасность от соседних Узбекистана и Афганистана.¹

Это непростое искусство, даже если учесть, что Рахмону удалось закрепить свою власть во всей стране. Одним из ключевых вопросов внешней политики является потенциальное вступление Таджикистана в ЕАЭЗ. Правительство Рахмона официально сообщило, что изучает вопрос о затратах и выгодах, связанных с вступлением страны в ЕАЭЗ, но на самом деле издержки членства серьезно сдерживают продвижение Таджикистана в этом направлении. Членство в ЕАЭЗ предполагает более тесные связи с Россией и ограничение пространства для маневра в силу геополитических интересов Москвы. К примеру, будучи членом ЕАЭЗ Таджикистан практически не сможет отказаться от предложения разместить российские войска на границе с Афганистаном.

[Опрос](#) общественного мнения, проведенный в начале 2015 г., показал, что 72 процента таджиков поддерживают вступление своей страны в ЕАЭЗ (при том, что этот показатель отражает некоторое снижение энтузиазма, связанное с конфликтом в Украине). В этом контексте правительству приходится выбирать: либо, пойдя навстречу пожеланиям народа вступить в ЕАЭЗ и тем самым сократить пространство Таджикистана для маневра, либо отложить это решение в долгий ящик, что вызовет народное осуждение. Многие таджики полагают, что вступление в ЕАЭЗ откроет для них неограниченный доступ на российский рынок, но не все понимают, что это приведет к наводнению их страны российскими товарами и увеличением роли России в вопросах безопасности. Но, каким бы ни было

¹ См. Аналитическую записку автора No. 137, [The International Community's Elusive Search for Common Ground in Central Asia](#), 2011 г. и доклад Фонда открытого общества, [Central Asia's Border Woes & the Impact of International Assistance](#), 2012 г.

решение по вопросу о членстве в ЕАЭЗ, шансы на то, что народные массы проявят активную позицию по внешнеполитической проблеме, невелики, учитывая состояние политической оппозиции и гражданского общества в Таджикистане. Проявления общественного недовольства по поводу геополитического вектора политики Таджикистана столь же маловероятны, что в и Казахстане, и дальше ворчания дело не пойдет.

Почти что Украина

В Украине и Молдове, наоборот, внешнеполитические решения по ключевым геополитическим вопросам породили мощную социальную мобилизацию определенных сегментов общества и политической оппозиции, выступивших против этих решений. Хотя последние волнения в Украине были вызваны далеко не только внешнеполитическим курсом руководства, важно признать, что для продвижения своего видения подлинного места страны в глобальной политике движение Евромайдан и противостоящая ему антиевропейская/про-российская партия взяли курс на в высшей степени деструктивную мобилизацию по принципу игры с нулевым исходом. Поскольку все внимание было приковано к Украине, то многие наблюдатели проигнорировали события в соседней Молдове, которая почти раскололась в связи с аналогичными противоречиями по поводу геополитики и внешнеполитического курса.

Задолго до кризиса в Украине между властью и оппозицией Молдовы завязалась публичная дискуссия популистского характера о внешнеполитическом векторе развития страны и выборе между членством в Европейском союзе или ЕАЭС. Эта дискуссия стала настолько ожесточенной, что затмила собой традиционные болезненные темы: безработицу и замороженный конфликт в Приднестровье.

Правящий Альянс за Европейскую Интеграцию (АЕИ) выступает за про-европейский курс и в ноябре 2013 г. парафировал в Вильнюсе Соглашение об ассоциации с ЕС. Это вызвало негативную реакцию среди многочисленной оппозиции и скептически настроенных гражданских групп. В брифинге для членов Программы исследования безопасности Евразии, состоявшемся в декабре 2013 г., лидеры оппозиционных партий указали на опасность введения Россией эмбарго на поставки газа и продовольствия, тогда как представители АЕИ обрушились на них с обвинениями в продаже своих душ и своей страны России. «Они говорят о дешевом газе, тогда как мы говорим о будущем», сказал лидер проевропейской партии и бывший премьер-министр Влад Филат, говоря об анти-европейских силах. Представитель Социалистической партии Игорь Додон, отмечая, что общество раскололось на две равные половины в вопросе о вступлении в ЕС или в ЕАЭС, указал: «Общество парализовано. Его раскол ровно пополам по этому вопросу весьма опасен».

В этот период международные СМИ уделяли большое внимание заявлениям российских официальных лиц, угрожавшим молдавскому правительству полной утратой Приднестровья в случае интеграции страны в ЕС. Гораздо меньше было сказано о словах и действиях европейского комиссара по вопросам расширения Штефана Фюле, заявившего о единственном пути для Молдовы, а также госсекретаря США Джона Керри, который в ходе своего визита в Молдову пил вино, на импорт которого было наложено эмбарго в России. И конечно же, весьма контрпродуктивным было заявление румынского президента о том, что Молдова – часть Румынии.

Высокопоставленные представители ЕС редко признают свои ошибки в деле содействия Молдове в ее стремлении добиться ассоциации с Брюсселем. И все же частые акции протеста, проводящиеся перед миссией ЕС в Кишиневе, свидетельствуют о том, что они уделяют слишком много внимания представителям Альянса за Европейскую Интеграцию, и прилагают недостаточно усилий для налаживания контактов с анти-европейскими силами.

С другой стороны, внепартийный подход вряд ли разрядил бы напряженную политическую ситуацию. В конце концов, ЕС не обязан заниматься саморекламой в Молдове, скорее ее правительство должно было вступить в диалог с оппозицией и объяснить ей, что преимущества интеграции в ЕС превосходят издержки. Но правящая в Молдове про-европейская коалиция не сделала этого. В течение нескольких лет она вела популистскую кампанию, выдержанную в весьма драматических тонах, в которой было много риторики, но не затрагивались существенные вопросы. По сути дела, молдавская элита приложила гораздо больше усилий в том, чтобы убедить Брюссель в необходимости принять Молдову, чем в том, чтобы убедить молдаван принять Брюссель.

Хотя отношение к ЕС и ЕАЭС может меняться, но к середине 2015 г., поддержка интеграции с ЕС снизилась в Молдове до 40 процентов. Выступая в июне 2015 г. на конференции Программы исследования безопасности Евразии в Астане старший научный сотрудник Института стратегических исследований ЕС Нику Попеску объяснил это явление «разочарованием общества в правительстве», то есть отношение к ЕС становится частью реакции на недостатки в работе правительства. Несмотря на такие колебания общественного мнения, водораздел между ядром сторонников интеграции с ЕС и костяком приверженцев интеграции с Россией остается крайне высоким. Страсти поутихли после того, когда молдаване стали наблюдать за событиями в соседней Украине, где вспыхнули акты насилия. Но вечно самоограничиваться невозможно, и Молдова, которая почти что Украина, может последовать примеру своей соседки.

Последствия и выводы

В завершении я хотел бы высказать три соображения. Во-первых, внимательному читателю бросилось в глаза несоответствие между заголовком и основным тезисом этой записки. Я не собираюсь утверждать, что регион или география имеют значение, когда речь заходит о том, как лидеры уравнивают противоречия и противоположные силы давления в геополитике и внешней политике. К примеру, Беларусь является оплотом застоя в пост-советской Восточной Европе, тогда как Кыргызстан явно уже исчерпал свой лимит на политические революции. Мой довод, скорее, заключается в том, что мы не уделяем достаточного внимания тому, как правители, политическая элита и общественное мнение реагируют на геополитическое давление и внешнеполитические выборы, которые решительным образом определяют будущее страны и порождают раскол в обществе. Так уж сложилось, что центрально-азиатские лидеры сумели проложить толстую прокладку между своими внешнеполитическими решениями и реакцией общественности на них, тогда как их визави в Восточной Европе это не удалось. Во-вторых, в настоящей аналитической записке не высказывается поддержка политике железного контроля и не рекомендуется, чтобы лидеры изолировали свою внешнюю политику от воздействия общественного мнения и ее всенародного обсуждения. Ни один правитель не застрахован

от бурных акций протеста в ответ на свои внешнеполитические решения, в том числе даже столь опытный эквилибрист, как Назарбаев. Казахстану удастся уравнивать интересы Запада, России и Китая отчасти потому, что, как отмечает специалист по Центральной Азии Марлен Ляруэлль, эти проекты еще не созрели. Когда же они созреют, то неразрешимые противоречия равновесия станут до боли очевидными и удерживать его станет труднее.

Третье и последнее: международным политическим деятелям и сторонникам интеграционных проектов – будь то западных или восточных – следует помнить об ответственности за свои действия. Чиновники и дипломаты ЕС и ЕАЭС овладели мастерством обвинения противоположной стороны в разыгрывании деструктивных геополитических игр. Однако они не готовы признать тот факт, что их пропагандистские кампании и давление на ту или иную страну могут привести к обратному эффекту. В последние годы ЕС оказывало давление на Молдову и Украину с целью заключения соглашения о более тесной ассоциации, не взирая на серьезный раскол в обеих странах. Стимулируя интеграционный процесс, ЕС, возможно, неосознанно спровоцировал в Молдове неплодотворную дискуссию в режиме игры с нулевым результатом и нанес ущерб своей политике налаживания демократической и прозрачной политической жизни в этой стране. Сегодня Молдова – расколотое общество с неработающей партийной системой, упадочной экономикой и весьма далекими перспективами стать полноценным членом ЕС. Однако у нее есть команда дипломатов, которые весьма грамотно разыгрывают в Брюсселе карту принадлежности своей страны к Европе и ее праве на членство в ЕС.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org